

МЕТАМОРФОЗЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ: ОТ СИГИТОВЫХ К ЭЛЬСТОН-БИРОНАМ*

Наталья Борисовна Граматчикова
Инна Олеговна Эльстон-Бирон

Аннотация. Статья посвящена изучению семейной истории, способов ее межпоколенческой трансмиссии и трансформации. Особое внимание уделяется функциональности автобиографических нарративов в отношении формирования и закрепления желаемой идентичности. Исследование строится на материале глубоких интервью с представителями двух поколений семьи потомственных семиреченских казаков (1930, 1955, 1963 г.р.), автобиографий, воспоминаний, фотодокументов и артефактов. Рассматриваются способы говорения о семейной истории старшего и среднего поколений; фиксируется трансформирование механизмов межпоколенческой трансляции семейного знания и традиций. На материале интервью и анализа изготавливаемых главой семейства «фамильных» артефактов показано, как во время кризиса государственной идеологии для среднего поколения семьи история рода оказывается стержневым средством обретения новой идентичности. Культивирование личной ответственности выражается через построение своеобразной «авторской генеалогии», укореняющей род Сигитовых в событиях XVIII–XIX вв., а также через солидаризацию с репрессированными членами семьи. Если события далекого прошлого выполнены по лекалам апокрифических семейных преданий аристократических родов, то в XX в. жертвам репрессий приписывается статус активного сопротивления системе, что возвращает им желанный статус актора / субъекта исторического процесса. Образ семейной истории, сложившийся у главы семьи, поддерживается семейным окружением и транслируется, прежде всего, через игровые практики, находит выражение в изготовлении артефактов и институализируется через смену фамилий сыновей (Эльстон-Бироны).

Ключевые слова: семейная история, память, (пост)советский дискурс, генеалогия, фотоархив, конструирование истории, повествовательные стратегии, life-story, артефакты

Краткая биографическая справка информантов

Сигитова (Глотова) Мария Антоновна (далее – М.А.), родилась в 1930 г. в с. Сазановка Киргизской ССР (с 1942 г. с. Ананьево) в многодетной семье. Дед и отец были раскулачены и сосланы (в 1936 и 1940 гг.), однако смогли вернуться. В 1941 г. М.А. переехала жить к

* Статья подготовлена в рамках работ по гранту РГНФ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

деду в с. Кутургу, где закончила 8 классов. Обучение продолжила в Пржевальском педучилище (1947–1950 гг.). Летом 1952 г. вышла замуж за односельчанина – Николая Степановича Сигитова (1929 г.р.), с ним побывала в Румынии и в г. Львове, где в 1955 г. родился сын Владимир. В том же году муж ушел со службы и семья вернулась на Иссык-Куль. В 1970 г. родился второй сын Николай (ныне проживает с семьей в Киргизии). Всю жизнь, до 1986 г., М.А. работала учителем младших классов в разных населенных пунктах вокруг Иссык-Куля, а также в г. Небит-Даг Туркменской ССР. После смерти мужа переехала в Россию (2010 г.), где проживает с семьей старшего сына Владимира.

Сигитов Владимир Николаевич (далее – В.Н.), 1955 г.р. После школы год учился в сельскохозяйственном институте в Бишкеке. Затем, не поступив в пограничное училище в Алма-Ате, пошел в армию (1973–1975 гг.). После армии поступил в Ташкентский геолого-разведочный техникум, который закончил с красным дипломом (1975–1978 гг.). После распределения работал в Тюмени. В 1978 г. поступил в лесотехнический институт г. Свердловска (заочное отделение лесоинженерного факультета). Первый брак длился два года (1978–1980), второй – четыре (1980–1984), из которых три В.Н. провел в тюрьме (по обвинению в спекуляции). В 1985 г. В.Н. работал в поселке геологов, где встретил нынешнюю жену. В этом браке родились сыновья Александр (1986 г.р.) и Лев (1993 г.р.), взявшие в 2010 и 2011 гг. фамилию Эльстон-Бирон.

Сигитова Татьяна Геннадьевна (1963 г.р.), жена В.Н. (далее – Т.Г.). Закончила Миасский геолого-разведочный техникум (1982 г.) и по распределению приехала в г. Учкудук Узбекской ССР.

Семейная история представляет собой сложноорганизованное, способное к изменениям знание о прошлом семьи, состоящее из разнообразных, часто лишь опосредованно связанных между собой сфер, образуемых разными носителями этого знания, к каковым относятся семейные предания, личные воспоминания, фотографии, фамильные вещи, географические объекты и др. Комплексный характер этой истории очевиден: изучение генеалогий, начатое историками, первоначально было сфокусировано на аристократических родах и к середине XX в. обогатилось сотрудничеством социологов, философов, филологов, антропологов, психологов и других, изучающих культурную и автобиографическую память, устную историю и т.д. (Ткач 2007). Возделываемое междисциплинарное поле источников (авто)биографического происхождения порождает ряд проблем, в числе которых терминологическая многозначность. О невозможности (и нежелании) редуцировать разговор о смыслах автобиографического повествования до терминологических рамок одной науки писал В. Голофаст: «Здесь возникает зыбкий, может быть, нежиз-

данный или даже пугающий смысл таких слов, как жизнь, судьба, счастье, жизненный путь, событие, случай...» (Голофаст 1995).

Для подготовки материалов данной статьи основными методами были интервьюирование и текстовый анализ, дополненные работой с документами из разных источников. Поскольку главным «нервом» исследования был интерес к тому, как люди представляют себе свою семейную историю, как они ее структурируют и репрезентируют, то при анализе доступных нам текстов (устных и письменных свидетельств), мы почти неизбежно следовали тем метафорам и смыслам, которые предлагал материал, но которые требовали особой осторожности при попытках перенесения выводов на другие случаи. Тем более что входя в зону соприкосновения с семейными историями, каждый встречается и с собственным прошлым (либо с его утратой и болящей немотой памяти). Это нужно учитывать при интерпретации, но вряд ли стоит избегать (констатацией этого момента открываются многие книги известных исследователей автобиографических текстов (Козлова, Сандомирская 1996; Козлова 2000; Савкина 2001: 8; Христофорова 2010: 25), однако они не останавливаются на том влиянии, которое их собственная история оказывает на интерпретацию исследуемого). В предлагаемом нами случае персональная включенность одного из исследователей в контекст семейной истории стала своеобразным «пропуском» к различным практикам работы с семейным наследием одной семьи.

Материалом для статьи послужили несколько глубоких интервью двух старших поколений семьи Сигитовых-Эльстон-Биронов, личный опыт общения одного из авторов со всеми тремя поколениями, несколько текстов автобиографического характера, принадлежащих бабушке из первого поколения семьи, а также разнообразные артефакты семейного наследия (все материалы и фотографии публикуются с разрешения информантов и находятся в личном архиве авторов статьи). В фокусе исследования находились две взаимосвязанные проблемы:

1) как данная семья адаптировалась к многочисленным изменениям своего состава и места жительства (на счету старшего поколения – не менее 13 переездов, из них 3 союзные республики и страна соцлагеря; второе поколение пережило 19 переездов, включая вынужденное возвращение в РФ);

2) какую роль в этих адаптационных процессах играет семейная история, представляет ли она востребованный ресурс или, напротив, приравнивается к ненужному (опасному?) грузу, от которого следует избавиться для успешной адаптации на новом месте и в новом времени.

1. Бабушка из Кутурги.

Мария Антоновна Сигитова (1930 г.р.)

Пишущий автобиографию вынужденно структурирует жизнь, чаще всего опираясь при этом на выработанные эпохой клише. В тексте и в

интервью М.А. эта фокусирующая тенденция усилена и преклонным возрастом, и ситуацией вынужденного переезда, сравнимого с бегством с любимой родины после смерти мужа. Настоящее отступает перед прошлым, оставаясь в затемненной, блеклой зоне. Свои записи М.А. предваряет словами: *«Я часто ошибаюсь. Но думаю поймешь. Где не поймешь. Догадаешься. Здесь же все время темно. Солнышка нет»* (СМА_2016_т01, ч. 1 (здесь и далее орфография и пунктуация подлинника сохранена – Н.Г., И.Э.-Б.)).

Рассказ о детстве и юности в русском поселении Ананьево на берегу Иссык-Куля – центральный фрагмент и в воспоминаниях, и в интервью. М.А. оказывается свидетельницей многих исторических событий, но редко дает им собственную оценку, хотя «большая история» регулярно и властно вторгается в жизнь ее семьи: в 1940 г. забирают отца, кормильца многодетной семьи: *«Он не смог уплатить налог. Тогда страшные налоги были, и он не смог вовремя уплатить налог»* (СМА_2016_и01). За четыре года до этого в ссылку отправился дед, лишившись имущества, похоронив умершего голодной смертью сына. К счастью, тому и другому удалось вернуться домой. Подростающих старших сестер М.А. страна забирала для своих неотложных нужд: двое отправились на строительство железной дороги; одна – на фабрику по изготовлению веревок, откуда она пыталась бежать, не выдержав тяжести труда, но была поймана и отправлена в тюрьму. В постоянном насилии со стороны государства по отношению к своей семье М.А. не видит ничего странного – такова была жизнь в стране, им выпала не худшая доля: близкие хотя и пострадали, но в большинстве своем остались живы.

«Господи, хоть бы сейчас вернулось это детство с неводом!»

Жизнь на Иссык-Куле видится М.А. утраченным раем: прекрасный климат, богатая природа, земля *«как пух, до того хорошая»*, в горном ущелье, чудная вода (*«Водичка там, ой-ей, Ина! какая там вода! Не напьешься!...»*), необыкновенно вкусные фрукты (*«Ой, какие у нас груши! Губы слипаются! Сладкие-сладкие!»*), любимые занятия (*«И я так любила эту рыбалку, что вот до сих пор думаю: Господи, хоть бы сейчас вернулось это детство (смеется) с неводом!»* (СМА_2016_и01)) – все это создает эстетически яркий образ утраченной малой родины.

Подобное, типичное для пожилого возраста, отношение ко времени собственной молодости, интенсифицируется у М.А. тем, что распад СССР и смерть мужа (*«Так что страсть была эта перестройка. Всё перевернуло. А так бы мы так и жили там. Мы б сюда не поехали»; «Как умер мой Степаныч, всё пошло прахом»* (СМА_2016_и01)) стали реальными рубежами, отделившими ее прежнюю жизнь от нынешней,

яркое прошлое – от бесцветного настоящего. Фактически взгляд М.А. на собственную жизнь – это взгляд уже из «киного мира», не случайно актуальным персонажем ее домашних бесед становится Ангел (*«И он ко мне приходит, Ангел. И всё мне всегда во сне подсказывает, что будет, как будет. Вот это я верю. Да»* (СМА_2016_и01). Учитывая настоятельную потребность М.А. в установлении близкородственных отношений, можно представить, насколько велика замкнутость ее нынешнего мира, хотя в нем присутствуют семьи сына и обоих внуков.

Семья Глотовых, с. Сазановка, довоенное фото

Рассказ М.А. наполнен описанием крестьянского быта тех лет; из двух стратегий, выделяемых исследователями мемуарных текстов, (нарративной и дескриптивной (Чвырь 2015: 48)), ей, безусловно, ближе вторая. Все ее воспоминания отличаются достоверной глубиной: она с легкостью уточняет и дополняет их, подробно описывая изготовление пряжи из конопли, способы приготовления любимых в семье

блюд (кулага, вареники с клубникой, квас), сельские гуляния на Троицу. Однако для следующих поколений субъективно-правдивый ее рассказ периодически оказывается в ином интерпретационном контексте. Так, например, М.А. характеризует своего отца как мастера на все руки, что было жизненно важно для выживания семьи: *«Жили мы, конечно, бедно очень, трудно. Семья большая. Но у нас отец был на все руки мастер... Нас одевал, обувал, как мог; Валенки всем катал сам из шерсти... [из свиной кожи] шил он нам сандали, ну от, обувь такая, как вроде, не назовешь их туфлями, сандали какие-то, ну, мы называли сандалями. Всем шил сам. А маме даже шил ботинки. Себе сапоги шил, всё шил, сам кожи выделывал»* (СМА_2016_и01). Возникающий при этом у следующих поколений образ материального достатка корректируется только довоенной фотографией многочисленного семейства, на которой запечатлены бедно одетые люди, все дети босы.

Здесь для М.А. нет противоречия, она поясняет сыну: *«Дак мы только родились, и мы ходили босиком. Летом. Зимой по хате тоже босиком»* (СМА_2016_и01). Таким образом, семейный фотоархив не столько иллюстрирует, сколько позволяет оценить относительность представлений о достатке 1930–1940-х гг. Так, вербальные и визуальные носители и трансляторы семейной памяти формируют различные, конфликтующие либо уточняющие друг друга образы.

«Преображение прошлого», происходящее в рассказах М.А., не отменяет его тяжелых сторон («ужасов»). Возникающие по ходу повествования противоречия она не замечает: какие-то события из жизни семьи она давно объяснила себе и предлагает эти объяснения слушателю. Вообще действия власти часто требуют активности от населения по «разгадыванию» своих ходов. Например, почему перед войной разрешили вернуться из ссылки деду-«кулаку», тогда как отец из ссылки был отправлен в трудовую: *«А отпустили, вот мы уже потом домыслили сами: чувствовалось нагнетение войны, вот, ну, с Германией, и поэтому ссыльных всех отправили по домам. Боялись, что они перейдут на сторону немцев, ссыльные»* (СМА 2016 и01). Мотив «перехода на сторону немцев» здесь не развит, но он еще возникнет в нашем повествовании.

Хромовые сапоги

Вероятно, некоторые травмирующие события не имели для М.А. развернутого нарратива. Однако есть один эпизод, вербализующий важные грани ее восприятия происходившего тогда в стране: *«И вот запомнилось мне что: когда пришли, его уже посадили, когда пришли все, милиция, начали описывать у нас всё. Скот весь описали, потом, это, и в углу стояли его сапоги хромовые. <...> Один подошел, а я как*

раз сидела, ну, мы ж все собрались, сидим вот так, прижухли, они дядьки такие здоровые, в кожанках. <...> И он эти сапоги, сволочь такая, я сидела, и меня вот так вот слезы текли, как щас вот помню, он свои старые снял, поставил, а отцовы сапоги одел и ушел» (СМА_2016_и01). Взятые сверх описи праздничные сапоги отца оказываются той значимой деталью, которая раскрывает для М.А. корыстный интерес власти в каждом конкретном случае. «Большая история» надевает разные одежды, однако свою заинтересованность в чужом добре она скрыть не в силах: это не отрефлексировано М.А., но подтверждено всем ее жизненным опытом. Она не задается вопросом, почему раскулачивали, а лишь рассказывает, кого это коснулось: «А раскулачивали кого? <...> И богатых кулачили, и таких вот, как наши были, середнячки. Вот за что дедушку раскулачили? Ну, за то, что он, у него дом хороший был, по тем временам, конечно, скота много было, детей же много, кормить надо чем-то ж» (СМА_2016_и01).

«Большая история» существует на периферии жизнеописания М.А.: лишь вторая, дополнительная, часть ее записей озаглавлена «Из военных лет пропустила» и включает «хрестоматийные» части: «Как мы слушали Ливитана», «Смерть Иосифа Виссарионовича Сталина» (СМА_2016_т01_ч. II_л. 1), связывающие ее частную жизнь с жизнью страны. Не входит для нее в семейный исторический контекст и переименование родной Сазановки, одного из первых поселений на северном побережье Иссык-Куля (основано во второй половине XIX в.), в село Ананьево в 1942 г. в честь его уроженца Николая Яковлевича Ананьева (1912 г.р.), одного из 28 панфиловцев; а ведь такими переименованиями власть конструировала и закрепляла важнейшие для себя идеологемы.

Актуальной задачей человека при соприкосновении с «большой историей», как это видится по воспоминаниям М.А., оказывается способность предчувствовать, откуда придет опасность. Так, например, в день смерти Сталина М.А. (в то время – пионервожатая в школе), воспользовавшись плановым выходным, устраивает стирку и узнает о случившемся только от прибежавших к ней школьников. В результате стирка едва не обернулась увольнением с работы: «Ругали, стыдили, что в такой день, я была дома. Угрожали выгнать с работы. Заступился мой старый учитель Петр Антонович. Он сказал. Откуда ей было знать, что умер И.В. Сталин. У нее же нет радио. Мне вlepили строгий выговор. А потом только поняли, как тяжело нам жилось при Сталине» (СМА_2016_т01_ч. II_л. 2). Последняя фраза обнаруживает недостаточность персонального и семейного опыта в осмыслении происходящего: здесь М.А. находилась в русле общих социальных процессов, нуждаясь, в том числе, и в официальных оценках происходившего.

Ссылка деда и арест отца, фронтовые будни отца и всех его братьев, смерть крестного от голода, трудовая мобилизация старших сестер, репрессии в отношении односельчан Сигитовых (расстрел деда ее будущего мужа) входят в историю М.А. органической частью, становясь неприятными спутниками взросления, знаками счастливо избегнутых опасностей, «забывчивостью» выживших, но менее всего – характеристикой советского строя как такового. Детство и юность на Иссык-Куле ностальгически идеализируются тем сильнее, что вынужденный переезд на Урал кардинальным образом изменил все: *«Я потеряла дорогого, любимого мужа, спутника. <...> Я осеротела и не знала, что мне делать. И нечаянно попала на Урал. Хорошо, что у меня здесь замечательная невестка и хорошие внуки и внучки. <...> Жизнь на Урале меня быстро состарила. Я стала болеть. В Кутурге вместо 80 мне давали 70 лет. Здесь я выгляжу на все 100. Борюсь с болезнями. Стараюсь не сдаваться. Но уже плохо получается»* (СМА_2016_t02_ч. 1 л. X об.). Именно утрата малой родины и мужа видится М.А. не только событием личной судьбы, но и формой причастности к общему катастрофическому постперестроечному перелому: ее вдохновенный гимн утраченному Иссык-Кулю, *«Господом созданному раю на земле»*, венчает постепенное улучшение жизни начиная с послевоенных лет и обрывается перестройкой, принесшей «великое переселение людей» и совпавшей в ее восприятии со смертью любимого мужа в 2010 г. и бегством из Киргизии в Россию.

«Наши, кутургинские» vs переезды и болезни

Наибольшая ценность в мире М.А. – близкие родственные, человеческие связи; именно они наполняют жизнь теплом, они спасают жизнь в буквальном смысле. Выжили оставленные дедом в семьях старших сыновей его младшие дети; получила приют у двоюродной тетки бездомная после раскулачивания родительская семья М.А.; вернувшийся из ссылки и сумевший поправить хозяйство дед оказывается спасителем М.А., когда истощенный организм девочки-подростка перестал справляться с чередой пневмоний. Дядя Леня помогает освоить школьную программу, подруги оставляют заболевшую брюшным тифом М.А. в доме ее тетки, одноклассник-фронтовик отоваривает продовольственные карточки, старый учитель спасает от увольнения (тогда как «некутургинский, присланный» директор школы, напротив, едва не ломает судьбу будущего мужа М.А., дав ход доносу на организованное последним «Тайное Общество Молодежи» (СМА_2017_t01_ч. 2_с. XII)). Та же тенденция сохраняется и во взрослой жизни: сложные роды М.А. принимает ее ученик, ставший врачом, а муж, Николай Степанович, помогает страдающему гипертонией бывшему ученику М.А. Нурдину, который затем придет на помощь овдовевшей М.А.

«Кутургинские» держатся дружно и находят своих повсюду, даже в далекой Москве: *«Остановиться решили не в гостинице, чтоб деньги поэкономить, а у знакомых. А знакомые наши – кутургинские наши соседи»*. Этот «одношаговый» механизм, ориентированный на поиск «своих», сохранение и поддержание связей с ними, целиком находится в сфере традиционной культуры и подтверждает свою высокую эффективность и сохранность и в советское время. Противостоят этой общности переезды и болезни близких, оставившие в памяти М.А. яркие следы. Стрессовая ситуация активизирует память, ее нарративы о путешествиях и болезнях ярки и детализированны. Так, отдельным рассказом на две страницы становится путь в 50 км восьми студентов из общежития в Пржевальске домой, в Кутургу на перекладных. Поездки в молодости переживаются ею живо: *«Ехали 5 суток до Москвы. Мне было все интересно. Так как я нигде не была»* (СМА_2017_т01_с. IX). В эти моменты особенно помнятся одежда и вещи: оторванный во время первой поездки в метро каблук, привезенные женихом «румынки» (*«Синие такие. На каблучках, такие красивые ботиночки, опушка такая!»*) (СМА_2016_и01)) и пальто.

Главным способом адаптации М.А. на новом месте является установление отношений соседства и родства. Так происходит везде: в школе, в педучилище, на работе, за границей, где помогают даже погода (идет непривычный румынам снег) и католический священник (*«И этот Франциск по-русски песни с ними пел (смеется). Вот. Свою мантию снял, в костюме пришел. Праздновали. И так мы жили вот там дружно, очень дружно жили»*) (СМА_2016_и01)).

«Я напролом шла в жизни»: семья и дети

Позиционирование М.А. самой себя в детстве, в юности и в семейной жизни содержит ряд противоречивых моментов, вряд ли замечаемых ею самой. Утверждая собственную активность в детстве (*«Непоседа, вот везде я лезу, везде мне надо всё»*) (СМА_2016_и01)), она и сейчас считает себя волевым человеком: *«Ну, у меня тоже сильная воля была, я вот в жизни никогда, вот чтоб я раскисла... Я напролом шла в жизни»* (СМА_2016_и01). Однако эта активность слабо проявляется в ее рассказе о собственной семье, который, скорее, укладывается в рамки традиционного патриархального взгляда. Того, который сквозит в ее воспоминаниях о семье дедушки с показательной оговоркой: *«Вот они вернулись, значит, это, втроем: дедушка, Леня»* (бабушку, «третью», М.А. просто забывает назвать, присоединяя ее к мужской части семьи).

В рассказе о жизни М.А. доминируют неопределенно-личные конструкции: она часто принимала то, что предлагала жизнь / начальство / муж. *«Правда, в Кутурге я немного вела историю, учительница то ли в*

декрете была, то ли не знаю, где она была. Вот меня **заставили**, я **вела**»; «**Дали** нам там большущий дом: три спальни, зал, кухня, ванна, вода...»; «**Навязали** математику, я ж еще математику преподавала (смеется). Смех и грех!» (СМА_2016_и01). «Риторика скромности» распространяется и на семейную сферу: например, решение крестить старшего сына приписано воле знакомого из Фрунзе («Он его [сына Владимира] даже заставил нас покрестить там во Фрунзе» (СМА_2016_и01)). На фоне смены работы и места жительства, где, кажется, невозможно проявление личных желаний и воли, заявленных в детстве в качестве ведущих сторон натуры, неожиданно субъектно звучит ее желание родить второго ребенка: «И вот я там его решила... Уже мы обжились хорошо, Вовка уже взрослый был. Вот. И как-то мы уже, и я думала-думала: че один дите? И надумала еще вот (смеется) Колю родить» (СМА_2016_и01). Таким образом, «патриархатность» сознания М.А. на поверку оказывается устроенной сложно, где семейное, профессиональное и индивидуальное оказываются разведенными функционально.

Воспитание собственных детей М.А. формирует у нее нарратив наблюдения и любования, доминирующий над фиксацией педагогических усилий и оценки их результативности. «Свободное» детство сыновей М.А. – повторение ее собственного, освобожденного от непрестанных родительских усилий по обеспечению физического выживания семьи.

Коллаж: Семья Сигитовых (1962 г.) и Сигитова А.К. с сестрой в Кутурге

Итак, старшее поколение семьи (М.А.), пережившее репрессии и войну, было, тем не менее, в силу возраста, от многого защищено старшими родственниками, если те смогли избежать физического уничтожения. Это поколение хранит память о родных, хотя значительная часть нарративов, ставших легитимными лишь в последние десятилетия, сохраняет травмирующие моменты и все еще отмечена внутренней цензурой. Важную роль в их осознании происходящего играл официальный дискурс, параллельно которому существовали «бытовые» версии репрессий и гонений, подтвержденные опытом.

«Слои» совмещения традиционного, советского, патриархатного и других типов сознания обнаруживают себя в разных ситуациях, исследование которых выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что, несмотря на теплые отношения с мужем, М.А. решительно разделяет свою и его родню, отстраняясь от глубокого погружения в прошлое мужниного рода. Было ли это вызвано «опасным грузом» – расстрелянными родственниками Сигитовых – мы утверждать не можем, равно как и судить об отношении мужа к сложной судьбе своих родных можем лишь по косвенным признакам. В рассказах М.А. не отделяет себя от «людей», видя свою судьбу не «особенной», а разделившей «ужасы» страны и попавшей под «великое переселение народов» на старости лет.

2. Поколение второе: вперед, в XVIII век

Подлинное своеобразие семейной истории придает ее трактовка нынешним главой семьи, старшим сыном М.А. – Владимиром Николаевичем Сигитовым (далее – В.Н.). Любимый родителями, до 15 лет единственный, сын прошел не очень гладкий, но вполне укладывающийся в рамки советской нормы путь взросления, включающий попытки поступить в институт, окончание техникума, службу в армии, официальный и неофициальный браки до длительного союза с нынешней женой – Татьяной Геннадьевной (далее – Т.Г.). Харизматичный, склонный к риску и лидерству, любящий жизнь во всех ее проявлениях, В.Н. не всегда «помещался» в рамки системы, что привело его в начале 1980-х гг. к тюремному сроку за спекуляцию. Выйдя из тюрьмы и потеряв работу и семью, В.Н. подошел к своему 30-летнему рубежу, приобретя богатый опыт общения с людьми, противостоящими системе, как, например, его друг – баптистский пастор Густав, тоже отбывавший срок. *«И мне там [в тюрьме] просветили: кто такой царь, и что такое Россия... И вот тут до меня дошло, что я тоже должен что-то сделать»* (СВН_2016_и01). Тюрьма стала для В.Н. «переломным событием» (Нуркова), однако «точка разрыва» для него находится как бы вне его личной биографии, а еще до его рождения. Осознав свою миссию как посильное участие в восстановлении распавшейся «связи времен», В.Н.

сосредоточил усилия на реконструкции семейной истории, которая по обеим линиям была связана с семиреченским казачеством.

На фоне «простого» повествования М.А. интервью В.Н. – своего рода естественное проявление его деятельной, склонной к театральным жестам натуры; это продуманное, хотя и не формализованное, репрезентирование себя и своего взгляда на историю рода (О. Бредникова в подобных случаях предлагает говорить о «публичной инсценировке», требующей «драматургического анализа» контекста (Бредникова 1997: 73)). Стилистическая палитра В.Н. очень разнообразна: разговорное просторечие перемежается с фрагментами литературно-обработанной речи, соседствующими с тюремным жаргоном, драматизированными вставками-диалогами из прошлого и узнаваемой краткостью семейных преданий.

Начало интервью содержит маркеры сознательного конструирования нарратива: В.Н. задает ряд дисциплинирующих его самого вопросов, напоминая нам, что дискурс конструируется и одновременно потребляется, укладываясь в ожидаемый формат: *«Лишнего не надо говорить, да?»*; *«Материться нельзя?»*; *«Вам с чего начать-то? С двадцатого колена, как исландцы?»* (СВН_2016_и01). Так, В.Н. одновременно задает эпический тон дальнейшему повествованию и втягивает слушателя в свою игру. Прагматическая цель В.Н. – очаровать и заинтриговать собеседника. Линейно-биографическая хронология не столь важна, В.Н. склонен выстраивать художественно обусловленную картину прошлого.

Начало по-литературному красочно: *«После польского восстания 1863-го года мой предок, Павел Михайлович Сигитов-Эльстон граф Бирон де Гонто фон Вартенберг, сменил гвардейскую форму Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка на казачью форму и прибыл для продолжения службы в город Верный, в крепость Верный тогда, или форт»* (СВН_2016_и01). Эффектное имя, названия полков и крепостей призваны убедить слушателя в исторической (ее синоним у В.Н. – нарративной) достоверности. В этом «вступлении к биографии рода» перемешаны реальные фамилии (Бироны, Гонто, Вартенберги) и события со слишком вольными и просто ошибочными интерпретациями¹. Характерно, что мотив самозванства возникает уже на этом этапе: известно, что Эрнст Иоганн Бирон, происходивший из мелкопоместных остзейских дворян, поменял свою фамилию **Бирен** или **Бюрен** на офранцузенную **Бирон** именно по созвучию с известной в Европе фамилией французских герцогов. В то же время названный предок, Павел Михайлович Сигитов-Эльстон, помещен В.Н. в обстоятельства реального польского восстания 1863 г., в подавлении которого действительно принимал участие Гродненский Лейб-гвардии гусарский полк, сформированный в г. Седлеце (Польша)².

Гусар Гродненского Лейб-гвардии гусарского полка (иллюстрация из книги Ю. Елец)

Второй раз к «основателям рода» В.Н. обращается, поясняя, «кто впервые назвался просто Сигитовым»: *«Просто Сигитовым... назвался в 1777 году, родился Михаил от брака Петра Бирона и княгини Юсуповой, которые еще были в браке. А он родился после развода. И ему Ни-*

колай Борисович Юсупов, отец, дал эту фамилию – Сигитов. Потому что был такой древний род татарский – Сигитов» (СВН 2016 и01). Несмотря на явную путаницу, здесь важна интенция на дальнейшее «удревление» рода: через XVIII в. к «древним татарам» Сигитовым. Погружение в историю рода Юсуповых позволяет реконструировать мотивы «отбора предков» и приоритеты В.Н.

Обаяние апокрифов

То, что звучит в интервью В.Н. как начало приключенческого исторического романа, скорее всего, было выполнено по тому же литературному лекалу. Узнаваем как минимум один из популярных авторов того времени – В. Пикуль, в романах которого история раскрывается как пространство, отзывчивое личному выбору и формируемое им же. Вероятнее всего, одним из «источников» послужил роман В. Пикуля «Слово и дело» (опубликован в 1974–1975 гг.), где упоминается происхождение и Э.И. Бирона, и Силезия, и Вартенберга, и Юсуповых (однако основной тон романа значительно отличается от романтической приподнятости повествования В.Н.). Формирование списка включенных в семейную генеалогию персонажей происходило, вероятно, подчиняясь субъективно-эстетическим критериям, оформляя желаемое в художественное целое. Однако даже поверхностные расследования озвученных В.Н. сюжетов свидетельствуют о значительной роли, которую играют мотивы самозванства и конспирации в появлении в российской истории таких фамилий, как Бирон и Эльстон. Предполагаем, что на материале «большой истории» В.Н. был очарован близким ему человеческим типажом, обнаружившимся в историческом прошлом. В таком случае, думается, речь идет, в числе прочего, о *своеобразном заявлении жизненной позиции, поданной=транслируемой через псевдо-исторический нарратив*.

Возможно, есть и дополнительные факторы, повлиявшие на выбор «родоначальников»: так, например, одно из значительных событий в жизни В.Н. – его непосредственное участие в открытии нефтяного месторождения – происходило недалеко от мест ссылки Эрнста Иоганна Бирона. Для нас важно учесть, что в качестве ядерного события семейной истории В.Н. обратился не к собственным достижениям (или даже их имитации), но предпочел позицию прямого наследника ведущих акторов разных эпох, что соответствует его артистической натуре и контрастирует с заключением автобиографии М.А.: *«В моей жизни ничего особенного не было. Жила я как и все тогда жили. Бедно, трудно»* (СМА_2016_T02_ч. 2_с. XIII).

Эта завороченность апокрифическим прошлым великих людей есть следствие / симптом обратного движения «маятника» в отношении ре-

презентации семейной истории. Десятилетиями граждане СССР были вынуждены скрывать свое «социально неблагонадежное» происхождение, вплоть до смены фамилий (особенно в период между 1917 и началом 1930-х гг.). Так, в семьях южноуральских казаков происходила смена фамилий: «...с одной стороны Галицыны, с другой стороны – Власовы. Чтобы скрыть фамилию Галицыных, в 20-е годы, когда выдали ее замуж за деда, то у деда поменяли фамилию на фамилию его матери, с Герасимова на Казачкова. <...> Когда приходили красные, то вперед выдвигали деда, так как он был бедняк из бедняков и за его спиной вроде как вот с его историей скрывались. Когда приходили белые, то вперед выдвигали бабушку и говорили, что вот они ее, значит, скрывают» (Казачество... 2010: 13).

Устная семейная история сохраняет предания о «непростом» происхождении семьи³; откуда они попадают в эго-документы, маркируясь разным уровнем достоверности. Например, Ю. Наварский, поведав о происхождении своего отца от связи бедной литовской девушки и богатого хозяина-литовца, заканчивает свою автобиографию пересказом семейной легенды: *«В далекие времена во Франции происходила борьба католиков с гугенотами (протестантами), которых возглавлял король Генрих IV Наваррский. После поражения гугенотов часть из них выслали в изгнание, подальше, в ссылку, в Литву. И будто бы до сих пор в Литве остались их потомки, носящие фамилию своего вождя. А может мы, Наварские, потомки короля Генриха IV?»* (Наварская 154).

«Характером я похож на деда Степку»

Рассказ В.Н. многослоен: эффектные фрагменты соседствуют с умолчаниями, откровения из прошлого – с выдумками, созданными под влиянием момента. Помимо романтизированного псевдоисторического нарратива о предках из Польши, в семейной истории Сигитовых есть реально сложные ситуации, о которых его мать (М.А.) лишь кратко упоминает либо умалчивает. Так, повествуя о репрессированных членах своей семьи, она упоминает и о расстреле деда своего мужа – Григория Федоровича Сигитова – в ущелье у г. Рыбачье, без уточнения времени. В.Н. о том же говорит так: *«Потом, в основном, наша родня разделилась на белых, красных, как это обычно бывает. <...> Красный, значит, у нас был Антон. У него в сельсовете висел портрет. <...> А другие предки. Гришка мой... родной прадед – Гришка. А Гришка, он дослужился до... У Врангеля в армии был, штаб-ротмистром. Потом вернулся. Он пошел не во Францию, пошел к себе домой, после революции. Вот. Но в 30-м году он был расстрелян в ущелье»* (СВН_2016_и01). У «прадеда Гришки»⁴ был сын Степан, дед В.Н., в котором он чувствует родственную душу:

«– Характером я похож на деда Степку.

– Он тоже такой был авантюрист?

– Да» (СВН_2016_и01).

В подтверждение В.Н. приводит два случая из жизни Степана Григорьевича: «Что он такого славного сделал в молодости? А! Что он заехал в клуб и разогнал баб на 8-е марта, на белом коне», и второй: «Когда он уходил на войну, он выпил всё шампанское в колхозе, которое продавалось в магазине. Говорит: я – всё, я уйду на войну. Пейте! Вот. Когда было выпито всё шампанское, так, потом он попал на войну» (СВН_2016_и01). Первое – безусловное семейное предание, в реальности романтизированного второго можно усомниться. К слову, М.А. о «трудном детстве» мужа сообщает: «Отец [Степан Григорьевич] пил. Мать Анастасия Карповна увидев его пьяным, идущим по дороге, брала детей Колю и Володю и огородами убежала к свекровке. Свекровь жила через 7 дворов. Протрезвев он приходил за ними. Пил он по праздникам. В рабочие дни работал. Был он кузнецом»; потом «...отец ушел на фронт. С фронта не вернулся. Голод, холод. Помогала свекровь» (СМА_2016_ч. 1_с. XI). Таким образом, первое и второе поколение весьма по-разному видят и оценивают личность свекра / деда Степана.

Для В.Н. истории двух репрессированных поколений по отцовской линии (родственники матери, как мы помним, выжили, попав под раскулачивание) – это тот самый «свой материал», где он полностью вступает в свои права наследника «большой истории». В его рассказах дед Степан Григорьевич продолжает «оппозиционную линию» семейной истории, уже обозначенную в фигуре расстрелянного в 1930-х гг. прадеда, Григория Федоровича Сигитова: «В 42-м году он попал в лагерь, и вот здесь начинается этот случай с СС. Вот. То есть он попал в войска СС.

– Он попал в плен там?

– Да, он попал в плен и попал в СС. С лагеря. Вот. И был... как... занимался борьбой с терроризмом в Белоруссии. Что такое борьба с терроризмом в Белоруссии? Это борьба против партизан. <...> Коссовский дворец он защищал в 44-м году. Артиллерия красная стреляла по нему, короче, летело всё... И вот в этом вот Коссовском дворце после этого самого он остался, значит, и он отступил в Румынь. Ну, румыны, как верные какому-то там договору, выдали его советской власти, и в 47-м году он был во Львове⁵ расстрелян. Есть документ» (СВН_2016_и01). Антисоветская настроенность Степана Григорьевича «выводится» В.Н. из факта уже упомянутого его эпатажного выступления, посвященного 8 Марта: «Да, он идейно был против... Это понятно, если он на 8-е марта так поступил. Вот. Это всё логично складывается. И его больше не брали ни в колхоз, никуда, и ему никуда не хотелось» (СВН_2016_и01).

Наши исследования позволили обнаружить документы (портал «Память народа»): списки осужденных Военным трибуналом 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса с января по 1 сентября 1942 г., где Сигитов С.Г. значится выбывшим 4 июля 1942 г. из рядов 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса, в то время находившегося под Москвой, и донесение послевоенного периода (1965 г.) о смерти Сигитова С.Г. 17 сентября 1942 г. «в пути следования». Из этого следует, что активное участие Степана Сигитова в войне на стороне Германии (особенно после 1942 г.) целиком относится к области семейной мифологии⁶.

Детство своего отца В.Н. склонен драматизировать в той части, которая касается государства: *«Значит, как дети врагов народа, им было запрещено учиться в школе. Вот. Им было запрещен всё этот паек, запрещено было идти в колхоз, короче, всё было запрещено»* (СВН_2016_и01). Если следовать логике воспоминаний М. А., то ее история любви с Николаем начинается как раз в старших классах, где его будущему угрожает не прошлое отца и деда, но организация им «кружка любознательных» («Тайного Общества Молодежи»). И все же В.Н. заинтересован в родительском «антисоветском» прошлом, явно преувеличивая степень их сопротивления, например, в отношении к государственным праздникам: *«Родители ходили по принуждению. На праздники, на парады. Церковные праздники справляли»* (СВН_2016_и01).

Стратегия В.Н. в отношении прадеда и особенно деда состоит в том, чтобы не утверждать их невиновность, не оправдывать обстоятельствами или эпохой, но в обратном: факт антисоветского поведения признается им и акцентируется, выбор подан как осознанный и произвольный; он солидаризируется с ними как прямой наследник. Заметим, однако, что смысл смены фамилии младшим поколением Сигитовых-Эльстонов оказывается неизбежно амбивалентен: заявленный шаг к восстановлению исторической преемственности одновременно ведет к отмежеванию от прадеда и деда, людей со сложными судьбами и характерами. По нашим наблюдениям, верность по отношению к родственникам, отвергаемым властью, – один из важнейших мотивов появления текстов по семейной истории (Граматчикова, Енина); а люди, подобно В.Н., принципиально самостоятельно занимающиеся выстраиванием «истории рода», сами выступают во многих из обозначенных О. Ткач ролей профессионального генеалoga (психолога, просветителя, идеолога исторической ревизии, медиатора и др.) (Ткач 2005).

Такой радикальный поворот в отношении к репрессированным предкам обусловлен как личными качествами В.Н., так и спецификой его биографии: если биография отца, Николая Степановича, свидетельствует скорее об успешных попытках «вписаться» в строй, то В.Н. (напомним, переживший тюремное заключение) конструирует историю

как своего рода историю сопротивления, противостояния советской системе, историю субъектов исторического процесса, которые когда-то, в легендарном прошлом, составляли славу России. Для самого же В.Н. в иерархии ценностей воля как свобода и своеволие занимает ведущее место. Даже объясняя свои мотивы поступления в лесотехнический институт, он утверждает: *«Мне всегда хотелось быть помещиком, а помещики – кто? Лесники. У них лес, они могут лес воровать, продавать, на это жить. Вот, у них большие поля, мед, всё такое...»* (СВН_2016_и01). Рутинная и монотонная невыносимы для него, неслучайно он оказывается успешен в профессии геологоразведчика.

Коллаж: В.Н. Сигитов в армии и В.Н. Сигитов с верблюдом

Свое видение семейной истории, равно как и сожаление о плохой сохранности фамильных вещей (глубинную связь «авторской» генеалогии и плохой сохранности фамильных вещей, оставим за пределами данной статьи), В.Н. воплощает в изготавливаемых им артефактах. Они многочисленны и призваны «восполнить» недостающие звенья «поколенческой цепи». Часть из них, вероятнее всего, – реально принадлежащие семье вещи (награды, оружие и др.), другие явно носят авторский характер, который не скрывается, но и не афишируется В.Н., поскольку, согласно его видению развития семейного древа, эти «отростки» в скором времени привыются и станут неотличимы от аутентичных

ветвей. На данный момент список возглавляет герб Эльстонов-Биронов с описанием, медаль за Крымскую войну, орден Святого Станислава 1-й степени, орден Святого Владимира 4-й степени, медаль в честь 300-летия дома Романовых и др. Героизация образа деда нашла свое выражение в наградном кинжале Степана Григорьевича Сигитова, дарственная надпись на котором гласит: «Есаулу Степану Григорьевичу Сигитову-Эльстону в день рождения Генерал-лейт. А.Г. Шкуро 1944 г.».

Герб Эльстон-Биронов

Наградной кинжал

Можно отметить, что В.Н. рассказывает историю своего рода очень уверенно, не боясь каверзных вопросов. Относительно изготавливаемых «реликвий» его позиция такова: *«Ну, я постараюсь, чтобы мои реликвии были... чтобы мои реликвии были. Но поскольку они... Их очень трудно было сохранить, я создаю... как это сказать? Копии. Копии...»* (СВН_2016_и01). По его мнению, в этом нет ничего предосудительно-го: В.Н. верит / знает, что эти вещи существовали, но были утрачены, следовательно, заслуживают восстановления (СВН_2016_и01)⁷. Как видим, логика «восстановления исторической справедливости», озвучиваемая в конфликтах относительно принадлежности, например, храмов, вполне транслируется и на историю «малую», родовую.

***Трансляция семейной истории: игра в солдатики
«Че он плачет у тебя? В погонах – и плачет!»***

Проект В.Н. в отношении семейной истории оказывается вполне успешным на внутрисемейном уровне, что закономерно порождает вопрос: каким образом происходила трансляция этого конструируемого В.Н., образа семейной истории следующему поколению?

Действенным механизмом трансляции ценностей становится *игра*. Вообще игра как никакой другой феномен культуры всесторонне отражает человеческое бытие в мире: «Содержание нашего существования вновь обнаруживается в игре: играют в смерть, похороны, поминовение, мертвых, играют в любовь, борьбу, труд. <...> Игра охватывает и объемлет все другие феномены, представляет их в непривычном элементе воображаемого и тем самым дает человеческому бытию возможность самопредставления и самосозерцания в зеркале чистой видимости» (Финк 1988: 391–392). Игра базируется на принципиальной способности человека пребывать одновременно в двух мирах (игровом и реальном), получая удовольствие и от процесса, и от результата. Все эти свойства игры воплощаются в данной семейной истории.

Если отец В.Н., будучи способным офицером-танкистом, явно тяготел к мирным профессиям (при первой возможности – объявленной Хрущевым демобилизации – он уходит из вооруженных сил), то В.Н. (которому, по его словам, в армии «не понравилось») увлеченно рассказывает о главной игре своего школьного детства: вместе с одноклассниками он подражал жизни военных, всем были нашиты погоны, распределены звания, придуман флаг (*«На этой треноге был установлен флаг. Флаг я придумал сам. Флаг. Там был георгиевский крест, синее поле, белое поле»*). Друзья рыли окопы, устраивали учения и парады под музыку (*«У нас был патефон. И папа хранил пластинки виниловые, старые, на 72 оборота. Вот. Там был марш танкистов, марш артиллеристов. Мы сначала вот этот патефон поставим утром, построим-*

ся. Так, у нас парад. Раз, два, шагом марш. Левой-левой, пошли по плацу. Музыку выключили. Начинается учение» (СВН_2016_и01). Мужу вторит Т.Г., рассказывая о детстве сыновей: «Когда Саша родился, они, знаешь, как играли? Они с ним строили чуть ли не на всю комнату крепости, эти, солдатиков везде. И он с ним вот играл в войнушки... <...>

В.Н.: Вот, и Сашу привезли – сразу погоны нашили. И дед на меня ругается...

Т.Г.: Да, у Саши шапка зимняя, даже есть фотография, и на шапке зимней – кокарда, на зимнем пальто – погоны. <...>

С.: А почему дед ругался?

В.Н.: А дед говорит: блин, че он плачет у тебя? Че он плачет? В погонах – и плачет! Ну, в погонах – и плачет! Вот так говорит мне (смеется). А я стесняюсь...» (СВН_2016_и01).

Перипетии биографии В.Н. и особенно тюремный опыт способствовали его взрослению и осознанию себя как человека, имеющего особое предназначение: «А когда я уже отсидевший пришел, я уже там наслушался. И мне там просветили: кто такой царь, и что такое Россия... И вот тут до меня дошло, что я тоже должен что-то сделать» (СВН_2016_и01), – подобная уверенность выполняла еще и реабилитационную функцию. История рода становится для В.Н. настоящей опорой, где известные ему реалии (семиреченское казачество) и военное прошлое отца, напрямую определившее обстоятельства рождения В.Н., оказываются благодатным материалом для конструирования мифа о своем роде. Лакуны, которыми полна семейная генеалогия, В.Н. заполняет историческими событиями, «интерпретированными в свою пользу». Свое представление о семейных ценностях он старается передать детям, не теряя присущей ему креативности: «Вот, видишь: кастовость! Вот я пытался всегда вот эту казаческую кастовость в семье тоже держать. Каким-то образом. Вот такие вот игры. С деревянными пулеметами» (СВН_2016_и01).

В итоге все вышеперечисленные практики приводят к институализации данного образа семейной истории и закрепляются в смене фамилий детей (Александр – в ноябре 2010 г., Лев – в марте 2011 г.) с Сигитовых на Эльстон-Биронов как знак восстановления «исторического имени», возвращения к корням. В выборе новой фамилии непосредственное участие принимали сами сыновья, при этом семья пошла на значительные по тем временам финансовые затраты, поскольку младшему даже пришлось участвовать в судебном процессе по этому поводу⁸.

«Поддерживающее окружение»

Объемность картине придает интервью Татьяны Геннадьевны, жены В.Н., поскольку и она, и жена старшего сына Александра – это женщи-

ны, пришедшие в семью Сигитовых, которые не инициировали создание семейной мифологии, но, в целом, поддерживают ее. Каковы мотивы такой поддержки, ведь Т.Г., по ее словам, за тридцать лет семейной жизни пережила переход от «сто процентной веры» в рассказанную В.Н. версию семейной истории к трезвому пониманию, что он «приукрашает действительность»?

Для юной Т.Г. харизматичный и увлеченный В.Н. стал своеобразным культурным героем, резко расширившим мир ее представлений и знаний, смело вводящим в «большую историю» самого себя в лице своих «предков»: *«Да, я тоже в свое время, скажем так, я любила историю, но вот я знала историю в пределах школьной программы. Он рассказывал то, о чем я вообще слыхом не слыхивала, и поэтому, я говорю, это, лапши у меня на ушах висело много, глаза у меня были круглые, рот открытый. Он же, в общем-то интересно, он очень много рассказывает какого-то. И я: а-а-а! <...> Дак он мне голову и задурил!»* (СТГ_2016_и01).

И все же будет сильным упрощением представлять себе данный процесс банальной частью завоевательной матримониальной стратегии. То же интервью свидетельствует о гораздо более сложном гендерном распределении ролей в семье, которое сложилось уже с самых первых дней знакомства будущих супругов. Упомянем лишь, что застенчивая Т.Г. именно себя считает инициатором сюжета со сменой фамилии (правда, в привычном для России функционале «шеи», а не «головы» процесса):

«Т.Г.: Ну, началось всё с того, что вообще-то это я случайно в газете "Аргументы и факты" увидела вот заметочку, что, оказывается, у нас можно поменять фамилию.

В.Н.: А я это знал.

Т.Г.: Вот. И папе подсунула ее. Он ее прочитал и загорелся идеей» (СТГ_2016_и01).

Думается, Т.Г. ценит усилия мужа по «собираанию семьи», в чем бы они ни выражались, и понимает его беспокойную творческую натуру. Кроме того, она решилась на смену сыновьям фамилии еще и в силу отрицательной мотивации: *«Мне фамилия Сигитов очень не нравится, мне не нравится моя фамилия, потому что она татарская»* (СТГ_2016_и01), – «европейское» звучание фамилии Эльстон очень импонировало ей. Однако сыновья оказались активными участниками процесса: по словам родителей, фамилию выбирал старший сын и, к удивлению матери и недовольству бабушки (*«Мы учили, вот я ж по истории учила, ученикам рассказывала, кто такой Бирон. О-о-ох! Это враг! Враг из врагов! Мне не нравится (смеется)»*) (СМА_2016_и01)), в новой родовой фамилии оказалась не только привлекательная часть – Эльстон (воспринимаемая семьей как «необычная», «аристократиче-

ская», «благозвучная»), но и более спорная (Бирон), как раз и вызвавшая юридические проблемы.

Александр Эльстон-Бирон, 2015 г.

Надо сказать, что поиски родовой идентичности ведут В.Н. и дальше, придавая своеобразие религиозным практикам семьи. Например, вопреки традициям казачества он склоняется не к православию, а к ка-

толичеству, сближающему его с важными для него «польскими корнями» (М.А. сочувственно относится к этому, так как упоминавшийся уже нами католический священник входил когда-то в ее дружеское окружение); по католическому обряду же был крещен отцом младший сын Лев, что не обошлось без внутрисемейной коллизии.

Сыновья разделяют тягу В.Н. к сплочению рода и ощущение его значимости для судеб отчества: *«Слава наша в истории России»* (СВН_2016_и01). То естественное чувство «большой семьи» как постоянного круга поддержки, которое доминирует у М.А., уже отсутствовало в жизни В.Н. как данность, но оказалось в зрелом возрасте желанным идеалом объединения родных.

Став пассионарием семейной соборности, кастовости, избранности, В.Н. пытается реанимировать слабеющие родственные связи и горячо поддерживает идею первой после переезда в Россию общей встречи родственников (которая и состоялась около четырех лет назад) – любым человеческим связям непросто выдержать 19 переездов. Интересно, что активность внутрисемейных сценариев, подпитываемых культурой, так высока, что законы чеховской драматургии оказываются в ней вполне действенными. Например, конь, вошедший в семейную историю вместе с хулиганской выходкой «деда Степки», вернулся в семейный нарратив уже как участник бракосочетания сына Александра, празднующего свою свадьбу в форме, правда, не Гродненского лейб-гвардейского гусарского полка, но обер-офицера 10-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таврического полка (образца 1897 г.); форма для театрализованной свадебной церемонии была выбрана по «фамильному» эстетическому критерию: недаром Александр сочетает театральное образование с работой в музее.

Заключение

Статья не исчерпывает все сюжеты, сплетающие историю разных поколений в одной семье. Однако даже на введенном нами в исследовательский круг материале видно, насколько многовекторны нарративы, закладываемые предыдущими поколениями и развиваемые последующими. «Господом созданное райское место», где жили и похоронены несколько поколений предков, оказывается покинутым на переломе эпох и не актуализировано у следующего поколения. Второе поколение, оказавшееся на по-своему сложных исторических рубежах, хотя проблемы элементарного физического выживания уже ушли с повестки дня, с одной стороны, реализует заложенную государством логику разрыва семейных связей: отказываясь от наличествующего родительского багажа, оно влечется вдаль, поддавшись соблазну первооткрывателя и

отвергая доминирующее, известное, всеобщее. С другой стороны, представители именно этого поколения зачастую демонстрируют солидарность с непопулярным, уязвимым, разрушенным, оставшимся в прошлом и в их памяти. Легкость приятия родственников «через поколение» отмечается даже при разительном недостатке информации, восполняемом мифом, легко перекрывающим разрывы рациональных логик (в этом смысле можно осторожно спрогнозировать востребованность мифологии места для поколения внуков, учитывая невероятное обаяние Иссык-Куля). Гендерное своеобразие позиции по отношению к истории рода /семьи заметно во всех поколениях, с которыми мы работали, однако мужское и женское не противопоставлено, а образует сложный рисунок взаимной мотивации, где присутствуют как положительная, так и негативная составляющие.

«Большая история» еще существует в виде заученных «в пределах школы» тезисов, однако уже не определяет ход истории внутрисемейной (случай Бирона). Вместе с «авторской генеалогией» в построении родовой и семейной идентичности активную роль играют религиозные факторы (католичество и неоязычество). Обратный ход маятника «большой истории» реализуется через микропроцессы в семьях: «восстанавливая историческую справедливость», наши современники изготавливают заново не только артефакты, но и поддерживающие их родовые словные. Оценим консолидацию семьи на основе общих ценностей, обратим внимание на важность верности по отношению к родственникам, отвергнутым государством. Подкрепляя уверенность в легитимности собственной активной позиции в историческом процессе, наследники «страшных лет России» жаждут видеть в своих предках ту же субъектность и активность. Возможную романтизацию этого исторического момента сдерживает не только неизменно верное «и это пройдет», но и трезвая оценка сложности наследства, доставшегося поколению внуков, пока с вдохновением принимающему предложенный мифологизированный семейно-исторический микс.

Примечания

¹ О роли генеалогии в формировании мифа о «прямом наследовании» благородства см.: (Бредникова 1997: 71).

² Подробнее об истории полка см., например: Елец Ю.Л. «История Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка 1824–1896 гг.» (Елец 1890–1897). Интересно замечание о том, что «нижние чины полка комплектовались из brunetов с небольшими бородками»; это обращает внимание на сходство данного описания с портретом В.Н. Родона-чальником фамилии Эльстон в России, по-видимому, является граф Феликс Яковлевич Сумароков-Эльстон (1830–1877), внебрачный сын неизвестного высокопоставленного лица, особым императорским указом получивший фамилию кормилицы-англичанки. Часть «Сумароков» Ф.Я. Эльстон присоединил к своей фамилии Высочайшим указом вместе с титулом своего тестя графа С.П. Сумарокова. С.П. Сумароков не имел сыновей, поэтому для сохранения родовой фамилии и графского рода в 1875 г. его зятю

Ф.Н. Эльстону было разрешено именоваться графом Сумароковым-Эльстоном (Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон (24 января 1830 – 30 октября 1877) // Русский биографический словарь. СПб.; М., 1896–1918. Т. 20: Суворова – Ткачев. С. 167). Что касается Биронов-Юсуповых, то разбор всех хитросплетений погружает нас в эстетику бурных брачных историй XVIII–XIX вв., из знакомства с которой очевидно, что происхождение фамилий известнейших родов России в ряде случаев содержит неустранимые загадки, а «коррекция» фамилий объясняется династическими причинами и закрепляется указами. Кроме того, известные фамилии России хранят семейные предания, возводящие их род к легендарным предкам (например, фигура Едигея для Юсуповых). В XX в. фамилия Эльстон практически пресеклась: в базах данных «Память народа» и «Жертвы политических репрессий» («Мемориал») содержится лишь по одной учетной записи на эту фамилию.

³ Вот характерное свидетельство из воспоминаний академика УрО РАН М.В. Садовского (1948 г.р.): «В наше время было как-то не особо принято углубляться в изучение семейных корней. <...> Поэтому я очень плохо знаю свою генеалогию...» (Садовский 2014–2015: 18). Садовский имеет в виду своего деда-священника, арестованного в 1937 г. Отметим, что запрос на получение копии его следственного дела автор воспоминаний сделал лишь в 2010 г., по инициативе своего биографа (!), в результате семья узнала, что дед не умер в лагере в 1938 г., как они считали ранее, но был расстрелян в том же 1937.

⁴ Желание сделать своих предков ближе выражается у В.Н. в уменьшительных формах имен деда и прадеда (Гришка, Степка).

⁵ Львов как место, по утверждению В.Н., расстрела деда – это и место рождения самого В.Н., что усиливает момент преемственности.

⁶ Запрос датирован 1965 г. Остается догадываться, имела ли семья до этого какой-либо документ относительно судьбы Степана Григорьевича. Ясно, что такая биография затрудняла для его сына, Николая Степановича – отца В.Н. – и получение образования, и продвижение по службе; однако судьба была к нему милостива, несмотря на обозначившийся в году его юности интерес «органов» к школьному сообществу, в котором состоял Николай Степанович; предпринятые им своевременно усилия «затеряться» оказались эффективными, и «отцовское наследие» не помешало ему служить за границей.

⁷ Сожаление по поводу утраченных «семейных вещей» и желание их восстановить может быть выражено по-другому и приводить к другим результатам. Вот ответ из интервью музейного работника (1952 г.р.) на вопрос о ее семейных реликвиях: *«Я даже не знаю, у нас нет таких вещей, которые передавались бы по наследству. Ну, я от бабушки получила кружевной шарф... раньше же все приходилось выбрасывать, в 60-е года много людей переезжало в новые квартиры, а когда переезжаешь, нужно покупать все новое. Сейчас, будучи работником музея, я вспоминаю какие-то вещи, подсвечник старинный, ещё что-то и так жалко становится, что выбросили. Некоторые вещи я храню, но они ценны как память, материальной ценности они не несут. Ещё я купила себе бусы похожие на те, что были у бабушки, потому что помню эту вещь с детства»* (ФП_Музеи Екб_2016 Тарасова).

⁸ *«Лёвина смена нам в 20 тыщ обошлась, через суд (смеется)»* (СВН_2016_и01).

Источники, сокращения

СМА – Сигитова М.А. Записи, воспоминания. Расшифровки интервью.

СВН – Сигитов Владимир Николаевич. Расшифровки интервью.

СТГ – Сигитова Татьяна Геннадьевна. Расшифровки интервью.

т. – тексты (воспоминания, записки); и. – расшифровки интервью.

Литература

- Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы междунар. семинара (Санкт-Петербург, 13–17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. Вып. 5. С. 70–74.
- Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/140/140> (дата обращения: 01.04.2017).
- Граматчикова Н.Б., Енина Л.В. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 109–129. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36605/1/qv_4_2015_06.pdf (дата обращения: 01.04.2017).
- Елец Ю.Л. История Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка 1824–1896: в 2 т. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890–1897.
- Казачество: образы культурной идентичности: сб. фольклор.-этнограф. материалов / Сост. И.А. Филиппова, Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2010. 200 с.
- Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22–32. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/872/890/1216/003.KOZLOVA.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. 255 с.
- Наварская (Степанова) Стальда. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века. Документальная повесть. Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 01.04.2017).
- Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии: научно-методический журнал. 2004. № 2. Москва; Воронеж: Моск. психол.-соц. ин-т РАО, 2004. С. 77–86.
- Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.
- Садовский М.В. Годы, люди, наука и жизнь. Екатеринбург, 2014–2015. 356 с.
- Савкина И.Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
- Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 265–288.
- Ткач О. «Мы ищем – вы находите»: профессиональное поле практической генеалогии // Антропология профессий: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ, Научная книга, 2005. С. 403–432.
- Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М.: РГГУ; Объединенное гуманитар. изд-во, 2010. 432 с.
- Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 357–403.
- Чевыр Л.А. Устная традиция в письменном тексте (о книге воспоминаний Г.Ш. кызы Кармышевой) // Восток. 2015. № 1. С. 42–52.

Gramatchikova Nataliya B., Elston-Biron Inna O.

METAMORPHOSES OF FAMILY HISTORY: FROM THE SIGITOV TO THE ELSTON-BIRON*

Abstract. The article explores family history, the ways of its intergenerational transmission and transformation. Particular attention is paid to the functionality of autobiographical narratives in relation to the formation and consolidation of desired identity. The conducted study draws on in-depth interviews with representatives of two generations of the family of hereditary Semirechye Cossacks (born in 1930, 1955, and 1963), autobiographies, memoirs, photo documents, and artifacts. The ways of talking about their family history among the older and the middle generations are considered, and the transformation of mechanisms of intergenerational transfer of family knowledge and traditions is described. Through the interviews and analysis of artifacts produced by the head of the family, it is shown how during the crisis of state ideology the history of the family turns out to be the pivotal means of acquisition of a new identity for the family's middle generation. The cultivation of personal responsibility is expressed through the construction of so-called 'author genealogy' which enroots the Sigitov family in the events of the XVIII and the XIX centuries, and also through solidarity with repressed family members. If the distant past events are dealt with according to the apocryphal traditions of aristocratic families, in the XX century the victims of repressions are credited with the status of active resistance to the system, which gives them back the cherished status of an actor or subject of the historical process. The family history developed by the head of the family is supported by the family environment; it is translated, first of all, through gaming practices, is expressed in the production of artifacts, and is institutionalised through the change of the sons' family names (Elston-Biron).

Keywords: family history, memory, (post) Soviet discourse, genealogy, photo archive, construction of history, narrative strategies, life-story, artifacts

* The article is written under the grant #16-04-00118 issued by the Russian Foundation for the Humanities, titled 'At the intersection of literature and fact: languages of self-description in the periodical press of the Ural and Northern Ural regions in the XIX to the first third of the XX centuries'.

DOI: 10.17223/2312461X/17/11

References

- Brednikova O. «Semeinaia» i «kollektivnaia» pamiat' (sposoby konstruirovaniia etnicheskoi identichnosti) ['Family' or 'collective' memory (ways of constructing ethnic identity)], *Biograficheskii metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv. Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 13–17 noiabria 1996)* [Biographical method in the study of post-Soviet societies. International seminar proceedings (Saint Petersburg, 13-17 November, 1996)]. Ed. by Voronkov V., Zdravomyslova E. St. Petersburg: TsNSI, 1997. Vol. 5, pp. 70–74.
- Golofast V.B. Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovani [The variety of biographical narratives], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1995, no. 1, pp. 71–88. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/140/140> (Accessed 1 April 2017).
- Gramatchikova N.B., Enina L.V. Kniga o liubvi i vernosti: rekonstruktsiia obraza ottsa-kommunista v vospominaniiax docheri [A book about love and fidelity: reconstructing the image of a communist father in his daughter's memoirs], *Quaestio Rossica*, 2015, no. 4, pp. 109–129. Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36605/1/q4_2015_06.pdf (Accessed 1 April 2017).
- Elets Iu.L. *Istoriia Leib-Gvardii Grodnenskogo gusarskogo polka 1824–1896 v 2-kh tomakh* [The history of Leibgarde of the Grodno hussar regiment, 1824-1896, in two volumes]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva, 1890–1897.

- Kazachestvo: obrazy kul'turnoi identichnosti: sbornik fol'klorno-etnograficheskikh materialov* [The Cossacks: facets of cultural identity: a collection of folklore and ethnographic materials]. Compiled by I.A. Filippova, T.I. Rozhkova, S.A. Moiseeva. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorskogo gos. Universiteta, 2010. 200 p.
- Kozlova N.N. Opyt sotsiologicheskogo chteniia «chelovecheskikh dokumentov», ili razmyshleniia o znachimosti metodologicheskoi refleksii [An exercise in sociological reading of 'human documents' or some thoughts on the meaning of methodological reflection], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, no. 9, pp. 22–32. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/872/890/1216/003.KOZLOVA.pdf> (Accessed 1 April 2017).
- Kozlova N.N., Sandomirskaiia I.I. «*Ia tak khochu nazvat' kino*». «*Naivnoe pis'mo*»: opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniia [‘I want to call the film like this. ‘Naïve writing’: an exercise in linguistic-and-sociological reading’]. Moscow: Gnozis; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. 255 s.
- Navarskaia (Stepanova) Stal'da. *Zhizn' odnoi sovetskoi sem'i v 30-e i 40-e gody 20 veka. Dokumental'naia povest'. Rodoslovnaia odnoi vetvi semeistv Navarskikh, Vaisov, Zaporozhtsev* [The life of one Soviet family in the 1930s and 1940s. A documentary story. A family tree of a part of the Navarskiye, Vaisy, and Zaporozhtsy families]. Available at: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (Accessed 1 April 2017).
- Nurkova V.V. Rol' avtobiograficheskoi pamiaty v strukture identichnosti lichnosti [The role of autobiographical memory in the structure of an individual's identity], *Mir psikhologii: nauchno-metodicheskii zhurnal*, 2004, no 2, pp. 77–86.
- Rozhdestvenskaia E.Iu. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative identity in an autobiographical interview], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2010, no. 30, pp. 5–26.
- Sadovskii M.V. *Gody, liudi, nauka i zhizn'* [Years, people, science, and life]. Ekaterinburg, 2014–2015. 356 p.
- Savkina I.L. «*Pishu sebja...*»: *Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [‘Writing oneself...’: Auto-documentary female texts in Russian literature of the first half of the XIX century]. Tampere, University of Tampere, 2001. 360 s.
- Tkach O. Izuchenie istorii sem'i kak strategiiia kachestvennogo issledovaniia [The study of family history as a qualitative research strategy], *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod. Kollektivnaia monografiia* [The Russian gender order: a sociological approach. A collective monograph]. Ed. by Zdravomyslova E., Temkina A. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, pp. 265–288.
- Tkach O. «*My ishchem – vy nakhodite*»: professional'noe pole prakticheskoi genealogii [‘We search – you find’: the professional field of practical genealogy], *Antropologiya professii. Sb. nauch. st.* [The anthropology of professions. A collection of articles]. Ed. by P.V. Romanov, E.R. Iarskaia-Smirnova. Saratov: TsSPGI, izd-vo «Nauchnaia kniga», 2005, pp. 403–432.
- Khristoforova O.B. *Kolduny i zherty. Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims. The anthropology of witchcraft in today's Russia]. Moscow: RGGU, Ob"edinennoe gumanitarnoe izd-vo, 2010. 432 p.
- Fink E. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiia [The main phenomena of human life], *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii. Perevody* [The issue of man in Western philosophy. Translations]. Moscow: Progress, 1988, pp. 357–403.
- Chvyur' L.A. Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste (o knige vospominanii G.Sh. kyzy Karmyshevoi) [Oral tradition in written texts (on a book of G.Sh. kyzy Karmysheva's memories)], *Vostok*, 2015, no. 1, pp. 42–52.